

Из дневника юной жительницы оккупированного Орла.

Среди хранящихся в государственном архиве Орловской области документов по истории Великой Отечественной войны - мемуаров, рукописей, писем, альбомов, фотографий особый интерес представляют дневниковые записи. Нам бы хотелось остановиться на дневнике, который писался в оккупированном Орле. Дневник очень личный, поэтому имя автора мы называть не будем. Это юная жительница Орла (предположительно, 17 – 19 лет), которая начала вести дневник незадолго до оккупации города в сентябре 1941 года, затем его уничтожила. Сама она пишет об этом так: «*Сегодня уничтожила 3 тетради моего дневника. Почему? Потому что там все пустое и ненужное. У меня останется одна большая тетрадь, да несколько листков*». И действительно, сохранились только записи за февраль – декабрь 1943 года. Большую часть дневника занимают разные девичьи секреты, как она сама пишет: «*Эта тетрадь – мой друг, т.к. люди все ненадежны, делиться с ними своими мыслями нельзя. Не каждый может тебя понять, а разболтать то, что говоришь, может любой. Я делаюсь с дневником всеми радостями и печалями, вместе с ним плачу и смеюсь*».

Ниже публикуются дневниковые записи о последних днях оккупации и освобождении города:

13 августа 1943 г. Запись о том, как мы отступали 3-го октября 1941 г. я уничтожила вместе со всеми тремя первыми тетрадками. Восстановливать не стала. Весь ужас так ясно стоит в памяти, что я его никогда не смогу забыть. Это останется на всю жизнь. Всегда перед глазами будет все это.

15 июля 1943 года. Опять одни несчастья. Музикальную школу всю отправляют в Германию. Не знаю, удастся мне отвертеться или нет. Во всяком случае, лучше пусть повесят.

17 июля 1943 года. Вчера моя тетя гадала мне на блюдце (вызывала духов). Вышло в Германию мне не ехать.

22 июля 1943 года. 2 часа. Виден бой. Весь горизонт покрыт пылью. Должно быть вот-вот придут русские. На балконе у нас наблюдательный пункт. Из бинокля видна дорога и по ней идет множество машин. Видны вспышки огня. На небе видно, как бьют по самолетам.

У нас ничего есть. Сегодня голодные. А что будет завтра? За деньги нигде и ничего не достанешь. Базара нет. К тете Дуне идти опасно (7 км от города). Что будет с нами?

24 июля 1943 года. Снаряды уже разрываются на окраине города. Наш дом стоит на возвышенном месте, и поэтому мы можем все наблюдать. Немцев в городе почти нет. Из пропаганды (прим. – Имеется в виду рота пропаганды, созданная оккупантами для проведения идеологической работы среди населения) убежало 23 человека.

28 июля 1943 года. Вывесили приказ о всеобщей эвакуации. Мы уже собрались. Но мне что-то даже и сейчас не верится, что мы покинем свой родной город. Утром люди метались, как угорелые, не зная, куда деваться. Все прячутся по подвалам. Это второе «3 октября 1941 года» (прим. – имеется в виду 3 октября 1941 г. – день оккупации г. Орла), но еще более ужасное! Утром все тянулись с узлами и детьми, повсюду были одни слезы. Люди были в панике. Я сказала, что если мама хочет идти – пусть идет. А я остаюсь! И мы остались. Будем сидеть в подвале.

Половина первого. Эвакуация отменена. Немцы сматываются как угорелые. Мечутся по городу. На улицах делается что-то невообразимое.

31 июля 1943 года. Со вчерашнего дня начали рвать город. Сегодня повзорвали почти все большие здания. Рвут все время. Взорвали уже баню и кино. Жалко до слез свой родной город. Гады! Звери! Что делают с городом! Мы сидим уже второй день в подвале. Сыро, холодно, но все ничего, лишь бы скорей русские пришли. Второй раз объявили эвакуацию. Почти все попрятались в подвалы, сады, в картошку и сидят, не дождутся, пока придут русские. Ой! Какой ужасный взрыв! Аж все подпрыгнули. Дорвали баню. Теперь как взорвут мосты, так значит русские в городе.

1 августа 1943 года. На рассвете был сильный бой. Мы его только слышали, т.к. сидели в подвале. Но все ничего, главное у нас кончилась вся еда. Хлеба осталось на сегодня. А что будет завтра? Я очень ослабла. Голова болит и кружится, в глазах темнеет.

Город рвут беспощадно. Можно сказать зверски. Во многих местах уже горит. Смотреть на это нет сил. Ленинскую, кажется, всю будут взрывать. Уцелеет ли наш старик-дом?

3 августа 1943 года. Все еще без конца взрывают и взрывают. Сегодня ночью почти весь город был в огне. Горит и сейчас. Дым застилает все, кругом пыль. Сейчас только 9 часов утра, а дым уже застилает солнце. Жутко! Боже мой! Что делают, звери! Жутко смотреть, дым стелется, как грозовая туча.

А в деревнях что делается! Грабят, жгут, разоряют, угоняют скот, угоняют людей. Сейчас у нас во дворе остановились беженцы Такой взрыв, что я вылетела, не помню как из дома, теперь буду сидеть в подвале (продолжает записи в подвале). Они рассказывают ужасы. Сын этого старика хотел перейти к русским, но по дороге его сильно ранили, и стариk принес его домой при смерти. Дочь в подвале рожает, сын умирает в доме, немцы выгоняют и поджигают деревню. Он не успел похоронить сына, а когда после пожара заглянул в хату, нашел один обгоревший череп да ребра. Жутко! Сегодня делается что-то необычно важное. Стреляют все время. Стрельба ясно слышна. Все равно, что стреляют в городе. От ужасных взрывов закладывает уши. Все так ужасно, что не знаю, как мы все это переносим. Впрочем, уже так привыкли, что когда взрывы средние, сидим дома, варим обед, едим и даже ложимся отдохнуть. Вот теперь даже у трехлетнего ребенка будет память о немцах и их зверствах. Озлобление против немцев у населения ужасное. (Ужасный взрыв. Взорвали железнодорожный мост). Взрывы и стрельба не прекращаются ни на секунду. Город весь в пыли, прямо нечем дышать. Взрывы потрясают подвал. Но все ничего, лишь бы не было боя в городе, да не бомбили.

5 час. 25 мин. Снаряд взорвался в соседнем доме. Двоих ранило. Вчера тоже разорвался почти в том же дворе. Ранило 5 человек. А вообще снарядами побило очень много домов. Из них больше всего около нас. Один мост уже взорвали. Домов взорвано очень много. Остались одни маленькие, да и те страдают от снарядов.

5 августа 1943 года. Еще только 7 часов утра. Город весь в тумане, смешанном с дымом и пылью пожаров этой ужасной, напряженной ночи. Да эту ночь почти никто не спал. Весь день [4августа] и весь вечер мы сидели в подвале. 20 мин. десятого [вечер, 4 августа] мы услышали команду немцев к взрыву моста, а затем к отступлению. В 12 часов ночи, или немного раньше, мы поняли, что немцы покинули город. В половину второго ночи слышали русское радио. В 3 часа на том берегу услышали голоса русских. Затем я побежала на берег и там увидела первого красноармейца. Радость была необыкновенная. Описать это трудно, но кто это пережил, тот все понимает. После

такой ужасной ночи увидеть своих! Пожары, город весь объят пламенем, ужасные взрывы, стрельба. Все было ужасно! И вот начинается рассвет. Приближается так радостно ожидаемая всеми минута. Встреча со своими! Какая это была встреча! Все население с цветами, все бегут, радостно улыбаясь, иные плачут, иные целуются, кругом свои, русские люди. Обнимают бойцов, командиров, украшают цветами танки, вдевают цветы в петлицы. Кругом радость! А в городе еще не потухли пожары, кругом одни развалины и дым. Ужасные следы «немецкой культуры». Население помогает переправляться [войскам] через реку, делает плотину, все улыбаются. Да все равно всего не опишешь! Все мечтают только о том, чтобы не было большие таких ужасных ночей, как сегодня, чтобы большие не видеть в Орле немцев, чтобы их как можно скорей прогнать с русской земли, встретиться со своими родными и начать новую жизнь. (Ведь эти два года мы не жили, а как бы спали).

Нет, писать сейчас в такой момент я не могу. Не могу остановиться ни на одной мысли. Все они мчатся одна за другой, путаясь и обгоняя друг друга.

7 августа 1943 года. Вот уже 3-й день вместе со своими. В город приехало в большинстве старое начальство. Жизнь налаживается. На той стороне, видно, все было по старому. А у нас (у тех, кто был в плену) из жизни вычеркнуто два года. Как будто мы заснули, увидели кошмарный сон, а теперь проснулись – и все идет как прежде. Бомбежки, голод, холод – все позади. Если бы не разрушенные здания, все было бы по-прежнему. Как-то немного странно видеть на улице милицию.

13 августа 1943 года. Сегодня уничтожу 3 тетради моего дневника. Почему? Потому что там все пустое и ненужное. Те воспоминания не будут для меня дороги. Я перечитала их. Они настолько малозначительны, что лучше о них не вспоминать. У меня останется одна большая тетрадь, да несколько листков. Но с этим я никогда не расстанусь.

И.В. Рожкова, главный
специалист отдела НСА
ОГУ ГАОО